

СИНТЕЗ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ УСТРЕМЛЕНИЙ И РЕЛИГИОЗНО-НРАВСТВЕННОГО НАЧАЛА В ПУБЛИЦИСТИКЕ А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА

К. А. Кулько

Санкт-Петербургский государственный университет

Поступила в редакцию 18 ноября 2022 г.

Аннотация: в статье рассматриваются общественно-политические взгляды и религиозно-нравственные искания в публицистике Солженицына 70–80-х гг. XX в.

Ключевые слова: А. И. Солженицын, публицистика, коммунизм, общественно-политическая борьба, христианство, раскаяние, противоречивость.

Abstract: the article analyzes the socio-political views, religious and moral issues in publicism of A. I. Solzhenitsyn of the 70–80s of the XX century.

Keywords: A. I. Solzhenitsyn, publicism, communism, socio-political struggle, Christianity, repentance, contradiction.

Фигура А. И. Солженицына всегда была неоднозначной для его современников и остается такой для потомков. Столь же противоречивым и сложным является его художественное и публицистическое творчество. Исследователи до сих пор не могут прийти к однозначному выводу о его политических и философских взглядах. Его называют и либералом, и монархистом, и русским националистом. А. Янов считает, что многие мысли Солженицына совпадают с идеями славянофилов [1]. По мнению Даниела Дж. Махони, Солженицын является либерально настроенным мыслителем, который умеряет «однобокую озабоченность проблемами личной свободы полезным напоминанием о нравственных целях, призванных одушевить ответственный выбор человека» [2, 44]. Е. С. Холмогоров называет взгляды Солженицына последовательной консервативной философией [3].

Солженицын сам дал повод к возникновению противоречивых оценок его идей и творчества. В его художественных и публицистических текстах существует парадоксальный синтез, на первый взгляд, несовместимых начал. На это обратил внимание Ж. Нива, отметив сосуществование словно двух разных Солженицыных [4]. А. О. Большеv сравнил Солженицына с двуликим богом Янусом [5]. К. В. Шевцов доказывает, что автор совмещает «православную веру с любовью к революции, будучи истинным христианином и одновременно пламенным революционером» [6, 116]. К. В. Шевцов отмечает эту противоречивость, опираясь в качестве эмпирического материала на «Архипелаг ГУЛАГ». Публицистические работы, в которых также можно обнаружить необычный синтез противоречивых идей Солженицына, долгое время

оставались вне внимания исследователей.

Цель данной статьи — выявить синтез парадоксальных начал в публицистике Солженицына 70–80-х гг. XX в. Гипотеза данного исследования связана с тем, что в публицистике автора есть конфликт общественно-политических устремлений с призывом к борьбе и религиозно-нравственного начала с требованиями смирения и покаяния. Такую противоречивость можно связать с жизненным опытом автора и трансформацией его общественно-политических и религиозных взглядов.

В детстве и юношестве уже стала заметна мучительная двойственность взглядов Солженицына. В автобиографической поэме «Дороженька» можно найти такие строки: «Жарко-костровый, бледно-лампадный, / Рос я запутанный, трудный, двуправдный» [7, 39]. Душа будущего писателя с детских лет пыталась вместить «две правды»: православную «бледно-лампадность», воспитанную семьей и религией, и революционную «жарко-костровость», которая внедрялась в сознание молодых людей в школе и университете.

Сам Солженицын отмечал, что религиозное начало было более значимым: примерно до пятнадцати лет мальчик рос христианином и врагом коммунизма и атеизма [8, 107]. Но постепенно религиозное чувство ослабевает, и новой верой Солженицына становится марксизм-ленинизм. Л. Сараскина доказывает, что в эти годы Солженицын идеализирует революцию и воспринимает идеальную сторону социализма. Юноше мерещились «кристальной чистоты ленинская социальная постройка, сияющий красный материк, светлое будущее человечества» [9, 563].

Идеализация мировой революции не помешала Солженицыну осуждать советскую государственность и И. Сталина. Поводом для ареста будущего писателя

стала его опасная переписка с Н. Виткевичем. Пребывание в заключении, общение с другими арестованными приводит к разочарованию в идеологии. Это отречение от идеалов молодости в сочетании с возвращением ранее утраченной православной веры позволит писателю резко негативно оценить советский режим и призывать к тому, чтобы «мировая зараза» коммунизма была остановлена в своем распространении.

К. В. Шевцов, анализируя «Архипелаг ГУЛАГ», доказывает, что с детства и на протяжении всей жизни Солженицын совмещал православные идеалы и любовь к революции и борьбе. В произведении «Архипелаг ГУЛАГ» действительно можно найти призывы к смирению, раскаянию, религиозному самоочищению, осуждение революционного пути как ложного и опасного. В то же время в некоторых главах, среди которых «Сорок дней Кенгира», присутствует призыв к мести, борьбе против режима. Рассказчик готов участвовать в бунте против начальства лагеря. Исчезает требование смирения и гуманного отношения к другим людям.

Подобные противоречивые начала можно обнаружить и в публицистике автора. В ней также присутствует, с одной стороны, зов к раскаянию, смирению и самоосуждению. Солженицын предлагает сосредоточиться на духовных проблемах нашего народа, а не вершить судьбы мира. С другой стороны, в его публицистике можно заметить ненависть к идеологии и режиму, призыв других к борьбе против «коммунистической заразы». Тогда автор не руководствуется терпимостью и гуманностью, и требования смирения кажутся ему угрожающими миру.

В статье «Коммунизм: у всех на виду — и не понят» Солженицын упрекает Запад в том, что он позволил коммунизму захватить десятки стран. По мысли автора, коммунизм нельзя считать именно «наследственной русской болезнью» [10, 332]. Значит, опасна сама идеология, а не Россия, которая ею «заражена». Поэтому Солженицын призывал бороться не с Россией как таковой, а с идеологией, которая подчинила себе умы многих.

Солженицын убежден, что с коммунизмом невозможен никакой компромисс, что Западу не получится его «ни задобрить, ни подкупить, ни умиротворить» [10, 399]. Тяготеющий к прогнозам и советам, Солженицын считает необходимым для Запада признать, что конфликта с коммунизмом не избежать, и перейти «к открыто-принципиальной и гордой защите свободы во всем мире» [10, 403]. Для этого нужно «стать на сторону всех поработанных народов» [10, 404] и открыть мощное пропагандистское наступление против коммунизма.

В статье «Иметь мужество видеть» призыв к открытой борьбе с коммунизмом Солженицын пытается объяснить его агрессивной природой: во всех странах, по мнению автора, коммунизм «тоталитарный, везде с подавлением личности, совести

и даже уничтожением жизни» [10, 397]. Конечная цель мирового коммунизма видится Солженицыну так: «захватить всю планету, в том числе Америку» [10, 397]. Однако больше мирового господства коммунизма Солженицына беспокоит унижение населения России коммунистической властью. Автор использует исторические аналогии и сравнивает нацизм и коммунизм. По мнению Солженицына, их сближают цели, связанные с превращением народов СССР в рабов. Однако нацизм это открыто заявлял, в отличие от коммунизма, который обещал всеобщее равенство и братство, а на деле тоже уничтожал собственный народ. Сравнивая преступления Гитлера с политикой Ленина, Солженицын приходит к заключению: при советском лидере невинных людей было уничтожено так же много.

Солженицын осуждает не только Запад, допустивший распространение коммунизма в мире, но и строителей этой идеологии в России. Именно на них он возлагает вину за «внутреннюю ложь и внешнюю экспансию, и оправдание войн и убийств, оправдание завтрашних войн» [10, 218]. В статье «Письмо вождям Советского Союза» автор советует руководству СССР «отказаться от мертвой буквы» идеологии «ради живого народа» [10, 161].

Нельзя не отметить образность языка публициста, который, призывая к борьбе, использует развернутые метафоры и называет коммунизм «заразой», «раковой опухолью», «инфекцией в мировом организме» [10, 332]. Такие метафоры невольно отсылают к идеям Ф. М. Достоевского как предшественника Солженицына [9], который во сне Раскольникова на каторге описал, что весь мир осужден в жертву страшной моровой язве, идущей на Европу. Трихины лишали людей разума, заставляли верить в исключительную важность их идей. Заражались и гибли целые селения и города. Страшная моровая язва, приснившаяся Раскольникову, может быть уподоблена опасным теориям, которые подчиняют себе умы миллионов. В публицистике Солженицына такой «моровой язвой» является коммунизм, поразивший умы людей из разных стран.

Во сне Раскольникова все же есть надежда: спастись от трихин смогли несколько чистых и избранных людей. Им будет под силу обновить и очистить землю. В публицистике Солженицына тоже звучит надежда на нравственное возрождение и воскрешение русского народа, поддавшегося коммунизму. Автор предлагает идею, связанную со «сбережением нации». Солженицын доказывает необходимость «политики обособленного спасения» [10, 165]: нации необходимо «излечить свои раны, спасти свое национальное тело и свой национальный дух» [10, 166].

В «Письме вождям...» и в статье «Раскаяние и самоограничение как категории национальной жизни» Солженицын предлагает «уйти в свой дом», отодвинуть глобальные мировые задачи, осваивать новые

земельные пространства Северо-Востока, которые могут стать ключом к спасению. В работе «Раскаяние и самоограничение...» этот вопрос рассматривается с моральной и религиозной точки зрения. Публицист считает, что отход от мирового соперничества нужен для «лечения наших душ» [10, 84]. Важнейшими условиями для решения внутренних духовных проблем и возрождения страны Солженицын считает раскаяние и самоограничение.

Христианская идея о необходимости покаяния для самоочищения — важная тема творчества Солженицына. Автор доказывает, что на раскаяние способна не только личность, но и целая нация, у которой тоже божественная, нерукотворная природа. Избавиться от страшного груза коммунистического прошлого можно только общим покаянием, «ибо виновны все и замараны все» [10, 62].

Однако раскаяние является лишь подготовкой основы для будущей нравственной жизни народа. Для полноценного исправления души необходимо самоограничение. Это понятие рассматривалось автором с точки зрения экономики и геополитики в «Письме вождям Советского Союза», где звучал призыв оградить экономику и политику России от решения чуждых общемировых проблем. Сделать это необходимо лишь на период «выздоровления» и «устройства своего дома» после трагедий, связанных с разрушительной коммунистической идеологией.

Однако важнее в понятии «самоограничение» именно религиозно-нравственный аспект. Выступая перед выпускниками Гарварда, Солженицын отметил: «Только добровольное воспитание в самих себе светлого самоограничения возвышает людей над материальным потоком мира» [10, 327]. Такое понимание самоограничения близко по духу к православию. Выбор нации в пользу самоограничения, по мысли Солженицына, «направит к расцвету внутреннему, а не внешнему» [10, 86].

Противоречия, с детства появившиеся в душе будущего писателя, его внутренний конфликт между идеалами православия и любовью к революции действительно находят специфическое отражение не только в произведении «Архипелаг ГУЛАГ», но и в статьях и речах автора. В публицистике Солженицына можно найти, с одной стороны, требования открытой и яростной борьбы, ненависть к комму-

низму, отсутствие терпимости к идеологии. С другой стороны, вновь пришедший к православию, Солженицын зовет личность и общество к покаянию и к добровольному самоограничению.

Конфликт общественно-политических устремлений и религиозно-нравственного начала оказывается не конфликтом, а парадоксальным синтезом этих начал. Это можно объяснить не только сложностью и многогранностью личности самого автора, пересмотревшего идеалы молодости, но и его невероятно обостренным национальным чувством. В центре внимания Солженицына всегда был русский народ, а не абстрактное человечество. Народ нашей страны Солженицын призывает к раскаянию и смирению. И одновременно его же критикует за то, что он поддался коммунизму и стал «главной массой рабов этого государства» [10, 334]. Солженицын, призывая к борьбе, выступает не против России, а против «мертвой буквы» идеологии, которая унижает и уничтожает народ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Янов А. Л. Русская идея и 2000 год / А. Л. Янов. — New York, 1988.
2. Махони Д. Дж. Солженицын-мыслитель / Д. Дж. Махони // Солженицын: Мыслитель, историк, художник. Западная критика: 1974–2008. — М., 2010. — С. 30–47.
3. Холмогоров Е. С. Поминки по полупросвещению. «Вехи», «Из-под глыб» и идеология Солженицына / Е. С. Холмогоров // Тетради по консерватизму. — 2017. — № 4. — С. 45–64.
4. Нива Ж. Солженицын / Ж. Нива. — М., 1992.
5. Большев А. О. Шедевры русской прозы в свете психобиографического / А. О. Большев. — СПб., 2011.
6. Шевцов К. В. Солженицын-идеолог: к постановке проблемы / К. В. Шевцов // Вестник Адыгейского государственного университета. — Сер. 2: Филология и искусствоведение. — 2019. — Вып. 4 (247). — С. 116–122.
7. Солженицын А. И. Собрание сочинений. Т. 18. Раннее / А. И. Солженицын. — М., 2016.
8. Солженицын А. И. Публицистика. Т. 3. Статьи, письма, интервью, предисловия / А. И. Солженицын. — Ярославль, 1997.
9. Сараскина Л. И. Достоевский в созвучиях и притяжениях / Л. И. Сараскина. — М., 2006.
10. Солженицын А. И. Публицистика. Т. 1. Статьи и речи / А. И. Солженицын. — Ярославль, 1995.

*Санкт-Петербургский государственный университет
Кулько К. А., аспирант кафедры истории журналистики
E-mail: shapovalova1994@yandex.ru*

*St.-Petersburg State University
Kulko K. A., Postgraduate Student of the History of Journalism
Department
E-mail: shapovalova1994@yandex.ru*